

Круглый стол
УДК 811.523
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2025-1/7-19>

Состояние исследования колонизации в России: круглый стол

Ярослав Александрович БАРБЕНКО

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, prohist@ya.ru

Леонид Ефимович БЛЯХЕР

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, leonid743342@mail.ru

Александр Николаевич ДЕМЬЯНЕНКО

независимый исследователь, Хабаровск, Россия, demyanenko@ecrin.ru

Сергей Викторович ТКАЧЁВ

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, sertk@mail.ru

Вадим Николаевич УКРАИНСКИЙ

Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия, ukrainsky@ecrin.ru

Ключевые слова: колонизация, освоение, колониализм, переселение, политизация науки, постколониальные исследования

Для цитирования: Барбенко Я. А., Бляхер Л. Е., Демьяненко А. Н., Ткачёв С. В., Украинский В. Н. Состояние исследования колонизации в России: круглый стол // Известия Восточного института. 2025. № 1. С. 7–19. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2025-1/7-19>

Round table
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2025-1/7-19>

The status of colonization research in Russia: round table

Yaroslav A. BARBENKO

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, prohist@ya.ru

Leonid E. BLIAKHER

Pacific State University, Khabarovsk, Russia, leonid743342@mail.ru

Alexander N. DEMYANENKO

Independent Researcher, Khabarovsk, Russia, demyanenko@ecrin.ru

Sergej V. TKACHEV

Institute for Demographic Research, Federal Research Sociological Center, RAS, Moscow, Russia, sertk@mail.ru

Vadim N. UKRAINSKY

Economic Research Institute FEB RAS, Khabarovsk, Russia, ukrainsky@ecrin.ru

Keywords: colonization, land development, colonialism, resettlement, politicization of social research, postcolonial studies

For citation: Barbenko A. B., Bliakher L. E., Demyanenko A. N., Tkachev S. V., Ukrainsky V. N. The status of colonization research in Russia: round table. *Oriental Institute Journal*. 2025. No. 1. P. 7–19. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2025-1/7-19>

17 октября 2024 года в виртуальном пространстве между Хабаровском, Владивостоком и Москвой состоялся круглый стол "Состояние исследований колонизации в России", организованный редакцией журнала "Известия Восточного института".

Барбенко Я. А.: Здравствуйте, коллеги! На нашем круглом столе мы обсудим не только состояние исследования колонизации в России, но и положение отечественной традиции в мировом исследовательском контексте. Начнём, так сказать, с начала: **можно ли утверждать, что существуют оригинальные отечественные подходы к исследованию колонизации?** Само явление колонизации интернациональное, возникло много столетий назад, и осмысливается тоже несколько сотен лет. Это международный, глобальный процесс, и, по-видимому, теория колониза-

ции тоже может быть таким вот международным процессом. Таким образом, есть смысл посмотреть на то, как в этом глобальном процессе существует российская теория или школа исследования колонизации? Или до какой степени существует?

Демьяненко А. Н.: Мой ответ на вопрос: несомненно – да! Как минимум с середины XIX в. были два направления исследования колонизации в рамках отечественной исторической науки. Первое шло от Константина Кавелина и Сергея Соловьёва, с этой точки зрения колонизация – дело государства. С точки зрения этого направления для Древней Руси даже отсутствовало разделение на колонизаторов и колонизируемых. Второе направление шло от Николая Костомарова и Афанасия Щапова, которые ставили во главу историю регионов (областей). С этой точки зрения колонизация есть движение народных масс, формирующих пространство, в котором есть место метрополии и колониям. В конечном счете Василием Ключевским эти два течения были сведены в концепт "колонизация как основной факт российской истории" [10, с. 31], при этом концепт колонизации, скажем так, был если не исключительно, то преимущественно делом историков. Что же касается государственной политики в отношении колоний, то показательна дискуссия по вопросу о колониях, состоявшаяся в ИРГО на рубеже 60-х годов XIX века. По мнению Мейендорфа, председателя Кабинета Его Императорского Величества, меры, предпринимаемые правительством по развитию Сибири, угрожают государству опасностью в будущем: если колония разовьёт свои умственные и материальные силы, в ней появится стремление к отделению от России. Тогда как академик Бэр считал, что развитие колоний – естественное историческое явление и что в этом никакой беды ни для колонии, ни для метрополии нет. Великий князь Константин поспешил затушевать остроту возражения; по его мнению, Сибирь – совсем не колония, это только расширение государственной территории [17, с. 132].

Ситуация меняется только в конце XIX века, когда государство становится активным участником колонизационных процессов, в конце концов оно не только формирует соответствующую политику, но и целый набор организаций по её реализации, таких как Переселенческое управление. Более того, колонизационные процессы и колонизационная политика оказались вписаны в реформы Витте-Столыпина. Естественно, что всё это в конечном счёте привело к появлению огромного потока исследований, которые уже были ориентированы на решение сугубо практических задач: организации исследований тех или иных местностей (районов) на предмет вселения в них колонистов; организации самого переселения и создания условий для адаптации колонистов к новой для них среде. Исследования эти были уже вовсе не историческими, но, как бы сказали сейчас, междисциплинарными или комплексными, а информацию авторы этих исследований черпали не из архивов, а в ходе экспедиций, см. труды сотрудников Переселенческого управления [9; 18; 22]. Впрочем, колонизационная тематика не была делом только Переселенческого управления. Здесь следует вспомнить и труды Амурской экспедиции 1910 года, к которым Переселенческое управление имело опосредованное отношение, хотя местные чины управления принимали непосредственное участие и в полевых исследованиях, и обработке собранных материалов.

Что же касается советского периода, то здесь очень всё запутано и в то же время просто: достаточно долго никто не боялся слов "колонизационные процессы" и "колонизация". В это время появился ряд исторических работ, выполненных в традиции, идущей от Ключевского [4; 16]. Одновременно был выполнен ряд исследований, которые вполне укладывались в традиции комплексных колонизационных исследований [5; 8; 11; 21; 24]. Однако примерно с конца 20-х годов колонизационная тематика сменяется на более простую концепцию хозяйственного освоения окраинных территорий. Дело в том, что сам по себе колонизационный процесс со времён Леруа-Больё [14] – это социальный процесс. А когда переходим к хозяйственному освоению, это уже вопросы экономики. Таким образом, становится принципиально важным, как эту территорию, не побоюсь этого слова, эксплуатировать.

Украинский В. Н.: В качестве иллюстрации "разделения" двух процессов – колонизации и освоения – вполне неплохо работает история того, как закладывалась сеть поселений на российском Дальнем Востоке. Эта сетка с царских времен (условно – фазы первоначальной колонизации) в значительной мере осталась неизменной. А уже в рамках советской индустриализации (фаза освоения) шло насыщение ресурсами, целенаправленное развитие отдельно взятых ранее намеченных точек.

Барбенко Я. А.: Я правильно понял Вадима Николаевича, что в общем явление колонизации не меняется: например, мы видим такую в сущности неизменную её материальную составляющую, как система расселения.

Демьяненко А. Н.: Да, те, кто занимался организацией системы расселения до революции, были знатоками этого дела, профессионалами, они создали такое универсальное средство колонизации, как система расселения, которое работает и в рамках политики освоения. Идеи, заложенные в тех послылках, которые мы называем теорией колонизации, были усвоены в прикладных исследованиях через систему расселения, и эти идеи (и их воплощение) оказались настолько жизненными, что каркас расселения юга Дальнего Востока за последние сто лет остался практически неизменным. Так что теория была достаточно продуктивной, по крайней мере в этой части.

Барбенко Я. А.: Мне казалось, что расселение во многом было стихийным, и государство где-то стремилось им управлять. Но так или иначе мы видим на Дальнем Востоке в массе своей то, чем занимались славяне, начиная с V в. н. э., то есть расселялись по системе рек.

Демьяненко А. Н.: Это большое упрощение, государство никуда не уходило. Система, которая образует ядро Дальневосточного региона, это Благовещенск—Хабаровск—Владивосток, сложилась к 1860 г. и осталась без изменений. Все северные поселения, включая Петропавловск-Камчатский, имеют ещё более преклонный возраст, Николаевск-на-Амуре не надо забывать, эти города до сих пор выполняют свою районообразующую функцию. А что касается сельского расселения, людей отправляли "по номерам", когда они заранее выбирали место вселения, это было заранее определено, ведь территорию готовили к вселению, это неоспоримый факт.

Барбенко Я. А.: Да, безусловно. С другой стороны, на юге Дальнего Востока государственно управляемое расселение – это буквально несколько лет военного расселения в середине XIX в. и более развитая практика в начале XX в., когда работало Переселенческое управление, когда планировались переселенческие участки заранее. Вот мы и видим две разведенные во времени практики, имеющие очень разное основание. Хотя согласен, что оба эти случая говорят о том, что был план переселения, план колонизации.

Демьяненко А. Н.: Колонизационные процессы ещё со времён Ядринцева [23] воспринимаются как двунаправленный процесс, процесс вольнонародной и государственной колонизации. Но масштабы вольнонародной колонизации до конца XIX в. были ничтожны по сравнению с государственной колонизацией в пореформенный период, когда государство в той или иной мере уже оказывало влияние на колонизационные процессы. А коль государство оказывало влияние, оно и готовило места: и транспорт, и организацию переселения, и вселение.

Украинский В. Н.: Южно-Уссурийский край как раз осваивался по веточкам от Уссурийской дороги, см. [19].

Демьяненко А. Н.: Эта дорога имела сугубо колонизационный характер. Как в своё время говорил Колосовский, есть разные типы дорог. Южно-Уссурийская железная дорога – это был типичный пример колонизационной дороги, когда ветки, шедшие от магистрали, шли в наиболее массовые районы вселения.

Ткачёв С. В.: Говоря об оригинальных отечественных исследованиях и подходах, я вспоминаю Леонида Леонидовича Рыбаковского. К сожалению, он нас покинул в июне 2024 года. В девяносто три сохранял свежесть ума, и с ним было очень интересно общаться! Так вот, Леонид Леонидович достаточно много зани-

мался колониционными процессами и, в частности, теоретическими вопросами этого явления. Мы с ним дискутировали на эту тему, в первую очередь по причине того, что он считал каждую колонизацию совершенно уникальным процессом. Великая греческая колонизация или заселение Америки, Сибири, Дальнего Востока, с его точки зрения, – это всё совершенно оригинальные явления и их невозможно концептуально объединить. Но мы ведь прекрасно понимаем, что все эти явления имеют не только одно название, но и очень много общих черт. А наука в значительной степени есть типологизация через сравнение. Абсолютизировать оригинальность какого-либо явления – это научный тупик. С другой стороны, слишком широкие обобщения (например, считать и объяснять все крупные социальные процессы как проявление колонизации) будут игнорировать очевидные различия, да и вообще могут оказаться просто неверными.

Мне кажется, что несмотря на обширную литературу, посвящённую данному вопросу, мы как раз находимся на такой стадии изучения колонизации, которую можно назвать стадией подхода к её теории, формированию школ, направлений. Однако сегодня само слово "колонизация" обладает в международном дискурсе, в том числе и научном, негативными коннотациями. Приведу один удививший меня пример. Музей Хоккайдо в Саппоро (Япония) был выстроен к столетию начала колонизации Хоккайдо. Ещё в 2012 г. там был целый большой раздел на втором этаже, который так и назывался "Колонизация Хоккайдо", и это было нормальным явлением. Когда я вернулся туда в 2015 г., этой вывески я уже не увидел. Я спросил об этом у сотрудника, с которым работал, на что он ответил: "Нам пришлось её сменить, потому что айну возмущаются, им это не нравится; мы эту терминологию всю убираем". Слова "колонизация" там уже не встретить вообще, хотя в Саппоро осталась стометровая стела, посвящённая столетию японской колонизации Хоккайдо. Думаю, что её демонтируют или как-то переименуют. Когда я дискутировал с местными исследователями о том, что плохого в слове "колонизация", то меня отсылали к Оксфордскому словарю. А там "колонизация" сплошь означает империализм, колониализм, и русские в этом отношении ещё больше прославились, чем даже британцы. Оказалось, что с 2000-х гг. иностранные издания, справочники, энциклопедии либо игнорируют вообще термин "колонизация", либо подают его в очень негативном ключе, практически приравнявая к колониализму. Я не согласен с этой точкой зрения. Нам с вами понятно, что колонизация и колониализм – это разные вещи. Возможно потому, что мы в такой среде выросли, в российской, где на протяжении всей нашей истории все немного куда-то переходят, переезжают, осваивают, приживаются. Конечно, наша страна в этом отношении обладает очень большим опытом, его надо исследовать. С другой стороны, в Соединённых Штатах существует своя теория колонизации, опирающаяся на явление фронта. Эта теория не универсальна, я, например, не считаю, что у нас она везде работает. Для Сибири – отчасти да, для Дальнего Востока чаще нет. Здесь есть где работать.

Александр Николаевич рассказал про существовавший в начале XX в. в нашей стране Институт колонизации; важно также, что выходил журнал "Вопросы колонизации". К сожалению, работа этого института была посвящена практике колонизации, теоретических работ было чрезвычайно мало. Я думаю, и в России, и в мире сейчас мало этими вещами занимаются, хотя причин этим заняться более чем достаточно. Вспомнить хотя бы изменение климата и глобальные политические сдвиги.

Демьяненко А. Н.: Не кажется ли вам, что мы видим подмену понятий: есть "колонизация" и есть "колониализм". Колонизация – это совершенно академический термин, и никакой политической коннотации здесь нет, а колониализм – это уже другое дело, здесь есть политическое содержание.

Ткачёв С. В.: Да, но в том-то и дело, что, например, в англоязычной литературе эти явления смешиваются.

Демьяненко А. Н.: А вам не кажется, что это результат так называемых "пост-колониальных исследований"?

Ткачёв С. В.: Абсолютно согласен. Проблема здесь в излишней идеологизации; много эмоций, субъективности, а значит, меньше собственно науки. Потом до этой тематики добралось пробужденчество, и вот "колонизация" – это уже какая-то стигма.

Совсем недавно вышла книга Энди Вейра и фильм по ней "Марсианин", десять лет назад примерно. Тогда не возникло никаких этических вопросов: колонизация Марса – это колонизация, и ничего в этом плохого нет. Сейчас, думаю, этот сюжет из книги уже бы убрали. На всякий случай. Хотя, если мы в скором времени будем осваивать Антарктиду, это будет колонизацией? Думаю, да, но это не будет колониализмом. Колониализм – это политика, и она предполагает наличие большого числа аборигенов, которых может эксплуатировать метрополия. А колонизация – это сложнее: это и освоение, и заселение, и миграция, это все вместе. В Японии используют термин "land development", меня постоянно пытались исправить; я пытался показать, что "колонизация" это не "land development", а они требуют менять терминологию. Несмотря на новый консенсус относительно термина "колонизация", альтернативный термин не раскрывает весь его объём. Необходимо говорить о том, что это разные вещи, хотя в англоязычной литературе эти понятия не различаются.

Украинский В. Н.: Как представляется, проблемы некорректных сдвижек, семантических конверсий в общественных науках в значительной степени актуализировались в 1960-е годы из-за "левацкого" поворота. Очень многие понятия, трактовавшиеся до этого по-разному (в том числе попросту нейтральные), начали наделяться именно и исключительно отрицательными смыслами. Я столкнулся с этим во французских публикациях, связанных с проблемами урбанизации и таким понятием, как "предмесье". Казалось бы, что плохого в слове "предмесье"? Но после Второй мировой войны это слово стало всё больше наделяться негативными смыслами в плане проблем нищеты, антисанитарии и тому подобных вопросов [25, р. 3]. Вот вам иллюстрация.

Бляхер Л. Е.: Вадим Николаевич, позволю себе не совсем согласиться. Ведь есть предмесья Глобального Юга и предмесья Глобального Севера, последние ведь не предполагают этих смыслов? Получается, о разных объектах речь идёт.

Демьяненко А. Н.: Известный левый поворот, произошедший после событий 1968го в Париже, действительно оказал медвежью услугу многим направлениям социально-гуманитарных исследований. Но теперь маятник качнулся в другую сторону.

Бляхер Л. Е.: Вот об этом я бы очень хотел сказать. Дело в том, что после мощнейшего антиколониального дискурса, который до сих пор существует, у нас возникла обратная ситуация, ещё более смешная. У нас настолько упорно доказывалось, что по отношению к России слово "колониализм" неприменимо в принципе, поэтому у нас была колонизация исключительно мирная, такая добрая и такая совсем-совсем хорошая. Поэтому Сибирь мы осваивали, поэтому Дальний Восток мы осваивали, не завоевывали.

Демьяненко А. Н.: И Туркестан мы тоже осваивали?

Бляхер Л. Е.: И Туркестан мы, естественно, осваивали, мы несли цивилизацию. А Дальний Восток мы что, иначе осваивали, извините? Вспомните телеутов, джунгаров, которые тоже в общем достаточно культурный народ, и так далее. Другой вопрос, что совершенно необходимо разделение трёх процессов. Исторически так получается, что существует такая форма политической организации, как империя, и империя существует по своим законам, империя расширяется. Да, какие-то этносы поглощаются, какие-то социальные, политические, этнические и другие группы растворяются, и для нового времени это совершенно нормально. Распространение же антиколониального дискурса 60-х гг. XX в. на явление освоения Россией Сибири и Дальнего Востока, Туркестана, Кавказа и т. д. – это неправильно. Ну, давайте поговорим об антигуманной политике спартанцев по отношению к своим детям или нарушении принципов педагогики в Спарте или ещё где-нибудь. В данном случае мне кажется, что слово "колониализм" и слово "колонизация" – это

разные слова, имеющие отношение исключительно к событиям второй половины XX в.

Необходим академический термин "колонизация", для России предельно актуальный, поскольку существуют гигантские пространства практически без населения. Но есть и термин "колониализм", когда вот да – это плохо. По отношению к историческим событиям, как мне представляется, термин этот, ну очень, очень зыбкий. Это перенесение этических норм человека второй половины XX в. на события, не имеющие к этим этическим нормам совершенно никакого отношения.

Барбенко Я. А.: Я бы хотел, коллеги, напомнить, что "левый поворот", о котором мы говорим, в России случился раньше. Расслоение терминов "колонизационный" и "колониальный" произошло ещё в 20-е гг. Теоретики колонизации предложили различать понятия "колониальный" и "колонизационный". Но процесс эмансипации шёл своим чередом, и поэтому появился термин "освоение" или даже "хозяйственное освоение". Он полностью вытеснил неоднозначный термин, который, как его ни крути, остаётся с провокационным корнем "колон". Собственно, само появление термина "освоение", или по крайней мере его распространение, вытеснение им терминов с корнем "колон" связано с политическим прочтением термина "колонизация" [3, с. 72–73]. Напомню, что 20-е годы – это время политики коренизации, таким образом, на волне политического недовольства со стороны "деколонизированных" в результате победы пролетарской революции народов от термина пришлось отказаться не только практикам, но и теоретикам. Насколько это повлияло на теорию, произошла ли просто её перелицовка? Ведь Сергей Викторович говорил о том, что Рыбаковский фактически использовал термин "переселение" вместо термина "колонизация", да и сам этот термин если использовал, то очень редко, он говорил о "переселении". И получается, что вот ещё один термин, который должен найти своё место в этом ряду: колонизация, колониализм, колонизационность, освоение и переселение. И это же всё в каком-то смысле синонимы, и мы должны это всё согласовать.

Демьяненко А. Н.: Речь не о том, что есть неполиткорректное слово "колонизация", и оно оказалось заменено на нейтральное "освоение" или "переселение". Принципиально важно, как мне представляется, разводить понятия "колонизация" и "освоение" и "переселение". Первое включает и второе, и третье, и ещё много чего. Уточним у Леруа-Больё: колонизация – это социальный процесс, это его первая и основная позиция. Второй принципиально важный момент: никуда термин "колонизация" из научного дискурса не делся, у историков эта тема была актуальна во все годы. Что важно ещё: теоретические разговоры, которые шли в течение всего XIX в., к XX в. перешли в область практической деятельности, когда колонизационные процессы стали объектом прикладных исследований, по крайней мере в России приобретших массовый характер. Ответ был в том, что создавались соответствующие институты: Переселенческое управление, научные структуры. Переселенческое управление организовывало массу экспедиций по всем, если не ошибаюсь, десяти переселенческим районам от Кавказа до Уссурийского края. Известен Госколониат, подобную ему структуру хотел создать ещё Колчак в Томске, но возник он в Москве. Со временем этот институт был переименован в Институт землеустройства и переселения. Нам следует чётко понимать, что существует мода не только на женские шляпки, но и на определённые исследовательские темы, сюжеты. Колониальная тематика сейчас действительно не самая модная, и в значительной степени это связано с политическими процессами, а не с академическими.

Бляхер Л. Е.: Но ведь получается, что сегодня это активно развивающееся направление исследований, просто не использующее концепт "колонизация" и смежные ему. Но что такое "освоение" советских лет и что такое современное "сжатие", как не исследование деколонизации сегодня?

Демьяненко А. Н.: Между "колонизацией" и "освоением" разница примерно такая же, как между премиальным автомобилем и консервной банкой. Процесс колонизации – это сложный социальный процесс, переплетение экономических,

социальных, этнографических и прочих процессов, в ходе которых изменяется социальная и политическая структура государств, происходит кросскультурное взаимодействие, возникают гибридные пространства, в конце концов меняется сама пространственная организация общества.

Бляхер Л. Е.: Термин "освоение" был гораздо шире "хозяйственного освоения".

Демьяненко А. Н.: Говоря "освоение", вы, Леонид Ефимович, как мне кажется, осовремениваете термин. Во всех документах советского времени мы видим словосочетание "хозяйственное освоение": хозяйственное освоение Дальнего Востока, Сибири, национальных окраин и т. д.

Бляхер Л. Е.: Хорошо, но хозяйственное освоение заключалось в том, что строились новые города и новые посёлки, возникали новые социальные общности и масса других вещей, которые имеют непосредственное отношение к социальным закономерностям.

Демьяненко А. Н.: Вот пример: в Ленинабаде создали техникум для местного ткацкого комбината, но для этого техникума студентов пришлось завозить из Ивановской области. И это потому, что для таджикской семьи выпустить девушку в неизвестность было совершенно невозможно, но власть это не воспринимала всерьёз, потому что есть План.

Бляхер Л. Е.: Это же всё равно социальный процесс, и последние годы, собственно говоря, мы пишем, изучаем этот самый процесс сжатия и то, что остаётся на сжавшейся территории, и тут тоже возникает другое сообщество – это тоже социальный процесс.

Демьяненко А. Н.: Так и я про то же. Важно, воспринимается ли этот процесс как объект регуляции или нет. Когда мы говорим о девушках в Таджикистане, которых хотели отправить в техникум, – это демонстрация того, что лица, принимающие решения, были абсолютно некомпетентны в социальных вопросах, и поэтому происходили искажения в социальных связях и они не шли на пользу ни одним, ни другим.

Бляхер Л. Е.: Дело не в "пользе", даже искажение это в любом случае изменение, в любом случае это какое-то движение. Надо различать объективно существующий процесс и его оценку.

Барбенко Я. А.: Леонид Ефимович очень хорошо поставил вопрос о поворотах в восприятии тех или иных явлений, и тот самый левый поворот – это пример обратного движения и переоценки ценностей. Давайте мы перейдём к следующему вопросу. Мы видим мощные корни отечественной мысли и для дореволюционного времени, и для советского. **Насколько востребованы сегодня в российском обществоведении заимствованные концепции колонизации?** Александр Николаевич, вы готовы слово взять?

Демьяненко А. Н.: Вопрос о востребованности не стоит, ведь всегда есть потребность посмотреть, что происходит у соседей. Другое дело, что и как заимствовать? Вспомним Ключевского, в его лекциях по истории России несколько раз возникала одна очень простая мысль: мы очень много используем заимствованное, на самом деле не понимая, что мы заимствуем, и это реальная проблема. В СССР социально-гуманитарные дисциплины испытывали мощное влияние официального марксистско-ленинского догматизма, поэтому наука могла себе позволить в лучшем случае критику зарубежных теорий. С рубежа 80–90-х ситуация стала меняться, появились тексты, концепции, идеи, которые мы до конца не переварили. В нашем разговоре мы вспоминали постколониальные исследования. Если коротко, то постколониальные исследования, активно проводимые за рубежом с 1980-х гг., по моему мнению, не оказали сколько-нибудь существенного влияния на состояние отечественного обществоведения. Показательно в этой связи мнение Константина Крылова, что характерно также полное отсутствие интереса к фигуре и текстам Саида со стороны "интеллектуальной оппозиции" [13, с. 636]. Я не до конца понимаю, о какой оппозиции речь идёт, но у меня есть ощущение, что не одна она проигнорировала и не только Эдварда Саида, но и постколониальные исследования как таковые. Похожая история с пространственным пово-

ротом: много ли в России публикаций, связанных с ним? Что касается концепции "внутренней колонизации", то в последние годы она привлекла внимание отечественных исследователей, в том числе и участвующих в сегодняшнем круглом столе. Напомню, что в несколько ином составе мы принимали участие в обсуждении работ Александра Эткина [7].

Полагаю, что дело не в заимствованиях, а в том, чтобы понять наше место в общем мировом потоке исследования колониальных тематик. Параллельно с этим хорошо было бы привлечь внимание к истории колониальной теории на российской почве.

Барбенко Я. А.: Александр Николаевич предлагает настоящий философский подход: познай самого себя, прежде чем начинать новое дело.

Ткачёв С. В.: Мы сегодня Леруа-Больё вспоминали, его работа была издана в 70-е гг. XIX в., потом выдержки из неё были опубликованы в Хабаровске в наше время [1]. Да, не всё в этом исследовании соответствует современным представлениям, но было бы замечательно, если бы эту книгу переиздали. Её знают только специалисты, но в ней много интересного и для обычных читателей. История человечества рассматривается с точки зрения колонизации, написана она хорошим языком. Мы можем много критиковать то, что сейчас пишут на Западе, и эта критика будет обоснована. Ведь мы пытаемся посмотреть на колонизацию как на объективный процесс, не заидеологизировано, а во всём, что публикуется на Западе, явно прослеживается идеология. При этом проблема колонизации и аборигенного населения не решена, понимаете? Нет решения, потому что все вопросы связаны с критикой. Например, русские, придя на Дальний Восток, как-то общались с аборигенами, хотя очень долго они не пересекались вообще, некоторые энтузиасты пытались решить этот вопрос, болели за то, что китайцы аборигенов эксплуатируют, а надо, чтобы только русские эксплуатировали и так далее. Но ведь можно и сказать, что здесь очень много негативных моментов. Спросите современного нивха, например, или нанайца, что бы он предпочёл: оставить его общество нетронутым современной цивилизацией или оставить так, как случилось? Я думаю, мало кто скажет: "Лучше ловили бы рыбу, ели бы медведей по праздникам" и так далее. Я далёк от предложений Арсеньева, который рекомендовал резервации для аборигенов по американскому примеру. Западные концепции могут быть полезны, но они требуют внимания. Наши публикации в оригинальном виде там не нужны, просто будут игнорироваться, будут иметь ярлык "русского империализма", я с этим иногда сталкиваюсь. Полностью переходить на заимствованные концепции тоже неправильно: в этом вопросе мы больше знаем, чем они, ведь до сих пор живём в этом.

Я бы хотел отметить, что русская колонизация – это в значительной степени вынужденный процесс. Например, Светлана Лурье писала о том, что русская колонизация – это бегство от государства [15, с. 161–167]. В какой-то степени она права, но говорить о том, что только так и было, неправильно. Давайте скажем честно: Россия занимает самую неблагоприятную географическую среду в мире, и колонизация – это отчасти попытка решить эту проблему там, где это оказалось возможным.

Бляхер Л. Е.: Коллеги, я обнаружил, что западные концепции практически как люди: бывают очень разными. И, безусловно, существуют гейткиперы, своеобразные шлюзы, которые определяют, что об одном мы говорим так, а о другом говорим иначе. И вполне понятно, что большая часть журналов предполагает некоторую такую идеологическую позицию. Но в то же время существует мой любимый Джеймс Скотт, который в своей последней переведённой на русский язык работе "Против зерна" [20], показывает историю человечества именно как колонизацию. И если следовать логике Скотта, то Россия наименее колонизированная страна в том плане, что эта страна в наименьшей степени подверглась влиянию зерна. Для Скотта колонизация – это дорога в рабство, ведь сельское хозяйство, зерноводство предполагает ирригацию, ирригация требует жёсткой организации, жёсткая организация предполагает определённый тип политической организации.

Чуть отступлю от темы: есть два типа людей, которые почему-то объединяются под единой шапкой и называются "учёные". Первый тип это собственно "учёные", но есть так называемые "обоснуи". "Обоснуи" – это такие специальные люди, которых вызывают и говорят: "Обоснуй-ка мне, братец...". Ну или, может, они это делают из любви к искусству, обосновывают мнение очередного политического лидера. Читая журналы, мы видим, что в каждом есть процентов восемьдесят текстов, которые написали обоснуи, и процентов двадцать собственно исследовательских текстов. Это совершенно нормальная ситуация, совершенно нормальное соотношение. Мы говорим о научном термине и его ненаучной коннотации, мы говорим прежде всего об обоснуях. Можно ли использовать западные концепции? Вне всякого сомнения, если они позволяют решить мою задачу.

Не так давно мы опубликовали в "Периферии" статью Аппадурай [2], которую не использовать – это глупость. Наука, извините, это западная придумка в том смысле, что факт вне интерпретационной рамки никому ни о чём не говорит. Другой вопрос в том, что есть ещё такая штука, как исследовательская позиция. Если вы помните, у нас был круглый стол по модной одно время книжке "Внутренняя колонизация" [7]. Это классический случай, когда автор воспроизвёл все мыслимые гейткиперы, которые вообще в принципе существуют, все мыслимые, скажем так, концепты хорошего тона для западного исследователя. Может быть, поэтому мне и нравится Скотт, что человек большую часть жизни прожил на ранчо, и чихать он хотел на все приличия научного мира.

Украинский В. Н.: Не хотелось бы ограничиваться простыми дихотомиями, разделяя исследователей на две категории. Для меня "Внутренняя колонизация" Эткинды – это случай не исторического исследования, а политического памфлета, когда труд создаётся по уже произведённым нарративам, которые хочется донести. Позиция автора местами настолько притянута за уши, что это очевидно исследователям, по крайней мере тем, которые не готовы "съесть" всё, что им предложено.

Бляхер Л. Е.: Западный дискурс очень разнороден. Какие-то вещи являются откровенным маразмом, публицистикой, пропагандой – называйте как угодно. Но есть и совершенно нормальные исследовательские концепции, которые можно вполне использовать для работы.

Барбенко Я. А.: Коллеги, а стоит ли придавать значение сосуществованию понятий колонизации и освоения в отечественном дискурсе? Вот Александр Николаевич, например, выстроил иерархию терминов и сказал, что освоение – это часть колонизации. Я, когда этот вопрос формулировал, исходил из того, что эти понятия альтернативны друг другу.

Демьяненко А. Н.: Давайте обобщим то, о чём мы сегодня говорили. Существует объективный процесс колонизации, который до сих пор по своей природе является европоцентричным. Понятно, что экономическое (или хозяйственное) освоение – это лишь часть колонизационного процесса, важная, но всё-таки часть. Переселение, миграции, мобильность тоже вписываются в понятие колонизации, потому что со времён Ратцеля перемещаются либо вещи, либо люди (а на самом деле и то, и то). Мы забыли имя замечательного отечественного исследователя Андрея Головнёва и его теории движения, которая близка колонизации [6]. Колонизационные процессы (и в этом нельзя не согласиться с Рыбаковским) всегда индивидуальны: в Российской империи – в Туркестане, на Кавказе, в Степном крае или на Дальнем Востоке и Сибири, они всегда отличались друг от друга, но внутри, как правило, мы видим одни и те же движущие силы, опять-таки читайте Ключевского.

Ткачёв С. В.: Что такое колонизация, как она отличается от миграции от освоения, заселения и так далее? Колонизация шире, чем все эти понятия, характеризующие некоторые черты колонизации. Колонизацию можно определить как длительный по времени и поддержанный политически процесс массового и отчасти добровольного переселения людей на территории, малозаселённые и неосвоенные с точки зрения господствующей в метрополии экономической па-

радикалы, а также освоение этой территории с приобретением колонистами собственной идентичности.

Бляхер Л. Е.: У нас есть некий куст терминов, который в общем вполне покрывает исследовательское поле. С другой стороны, у нас есть очень сильный, идеологически нагруженный концепт. Если мы призываем его использовать, значит, чего-то нам не хватает в существующем кусте терминов. Вот мне кажется, было бы продуктивно попытаться всё-таки определить, а чего не хватает? К сожалению, этого очень важного момента я пока и сам не додумал, надо додумывать. И не услышал, а хотелось бы услышать.

Украинский В. Н.: В значительной мере, как представляется, идеологическая нагруженность является результатом последнего полувека. Если делать оговорку, что речь идёт не о постколониализме, то есть именно теории, без приставки "пост-", то, вполне возможно, всё будет нормально.

Демьяненко А. Н.: Иначе говоря, мы опять возвращаемся к контексту. Если мы рассматриваем колонизационные процессы в контексте советской действительности, там, наверное, колонизации быть не может, а может быть только освоение.

Барбенко Я. А.: Спасибо, коллеги, самый последний вопрос, **какой подход к колонизации вы считаете наиболее полезным?** Уже звучали решения этого вопроса, но они были в контексте. Поэтому, может быть, сейчас мы вот отдельно заострим внимание на том моменте, какую вы теорию колонизации предпочитаете использовать?

Демьяненко А. Н.: Мне близка позиция Ключевского, которая была развита в работах Любавского и Платонова. И теоретический посыл этих работ, и то, что было развито в прикладных исследованиях Кауфмана, Чиркина и других, так и не нашли должного осмысления. Если нам удастся не скопировать то, что было сделано, а переосмыслить принять эстафету и попытаться использовать сегодня, то для нас, российского исследовательского сообщества, которое занимается вопросами колонизации, это было бы, пожалуй, самым продуктивным направлением.

Ткачёв С. В.: Я полностью согласен с Александром Николаевичем, я глубоко убежден, что тематика заселения и переселения, колонизации и реколонизации встанет перед нами очень остро в ближайшее время. Потоки миграции из Африки и с Ближнего Востока в Европу некоторые называют колонизацией, я с этим не очень согласен, но есть такая маргинальная точка зрения. Однако дело в том, что это коснётся и нашего дальневосточного региона, в том числе в связи с изменениями климата. В одной из своих статей я говорю о том, что это будет ближайшие двадцать лет, мы никуда не денемся от того, что к нам пойдут мигранты, и это на фоне нашей депопуляции. Существует ли сегодня действующая теория колонизации? Их много, и можно сказать, что в каждом конкретном случае, для того или иного региона, какая-то из них работает. Хочу напомнить о работе "К общей теории колонизации": идея "общей теории" дискуссионна, ведь теория в разных условиях будет работать по-разному точно так же, как понятие фронта, которое работает не для всех случаев.

Бляхер Л. Е.: Есть два момента, которые мне хотелось бы акцентировать. Момент первый. Когда какой-то термин не используется достаточно долго, у него накапливается эвристичность. Я не случайно сказал, что есть куст терминов, который вполне покрывает исследовательское поле, но он его не просто покрывает. Он его определённым образом концептуализирует. Исследование обращено на вот эти самые термины, которые уже есть. А введение нового термина позволяет вдруг посмотреть на явление несколько по-другому, вроде эмпирические данные те же самые, но меняем взгляд – получаем что-то интересное. Питерский социолог Вадим Волков в своё время просто распространил на анализ бандитизма и преступности не юридические, а экономические категории, и получилось очень вкусно. Очень может быть, что "колонизация" позволит нам немножко иначе посмотреть на то, что традиционно последние годы и десятилетия описывается термином "миграция". Почему это важно сегодня: у нас идёт чудовищная депопуляция. Если наши флаги рождаемости, например, Бурятия и Хакасия дают нам

индекс фертильности 1,8 при необходимости простого воспроизводства в 2,15 на одну женщину детородного возраста, а Хабаровский край вообще нам даёт 1,4. Совершенно понятно, что идёт интереснейший процесс сжатия; очень интересно посмотреть на то, как живут люди на той территории, которая уже сжалась – это тоже своего рода освоение, вторичная колонизация, колонизация некогда колонизированного. Это достаточно эвристично, интересно.

Демьяненко А. Н.: Я согласен с Леонидом Ефимовичем: действительно, возникает крайне острая проблема, она касается вопроса завершения колонизационных процессов не только на территории Дальнего Востока и Сибири, но даже в некоторых частях Европейской России. Я думаю, что "колонизация" сейчас может заиграть новыми красками и может привнести новые эвристические возможности в наши рассуждения о том, что хорошо, что плохо в пространственной организации жизни в России. Что касается исторического аспекта, от которого никуда не деться, я думаю, необходимо сфокусироваться на том, что Бродель называл кактуализацией исторического опыта. Возникает потребность в изучении того, каким образом и насколько успешна организация колонизационных процессов и в экономической части, и в социальной части, и в духовной части. Здесь исследование институтов будет иметь потрясающее значение, мы их плохо знаем: как они работали, насколько они были эффективны, что мешало им реализовать в полной мере свои потенциалы.

Барбенко Я. А.: Откровенно говоря, я не совсем понимаю, как термин "колонизация" может быть новым, разве что мы сами найдём новый аспект.

Демьяненко А. Н.: Его можно считать новым, потому что давно не использовался по назначению. Если историки его использовали, то попробуйте найти что-нибудь с точки зрения использования именно опыта работы, например, Переселенческого управления или Комитета по заселению Дальнего Востока?

Барбенко Я. А.: Сергей Викторович вспоминал, как ему предлагали изменить термин на "развитие". Вот Космачёв об освоении именно это и говорил: это вложение в территорию [12, с. 8], не близко ли это значение к "land development"?

Демьяненко А. Н.: "Land devepolment" хорош тогда, когда вы занимаетесь устройством уже обжитой территории, например, можно вспомнить районную планировку.

Барбенко Я. А.: Спасибо, Александр Николаевич! Коллеги, мы пришли к тому, что науке не удаётся уйти от контекста эпохи, она остаётся, например, политизированной, что мы можем видеть на примере и отечественном, и мировом. С другой стороны, практические задачи, конъюнктура остаются своеобразными источниками вдохновения для исследователей, в том числе теоретиков. Пожалуй, задача теоретиков в том, чтобы не зависеть от момента, а его создавать. Коллеги, спасибо за плодотворный диалог, завершим на этом наш круглый стол.

Литература

1. Антология экономической мысли на Дальнем Востоке. Выпуск 1. Колонизационные процессы в Приамурском крае на рубеже XIX–XX веков / отв. ред. П. А. Минакир. Хабаровск : РИОТИП, 2008. 208 с.
2. Аппадурай А. Теория в антропологии: Центр и периферия. Комментарии, вдохновленные статьей Шерри Б. Ортнер // Периферия. Журнал исследования нестоличных пространств, 2024, № 3. С. 8–13. <https://doi.org/10.38161/2949-6152-2024-3-08-13>
3. Барбенко Я. А., Демьяненко А. Н. Концепты "колонизация" и "освоение": диалог // Известия Восточного института. 2024. № 1. С. 72–81. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/72-81>
4. Бахрушин С. В. Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX в. // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Вып. 2. Петроград: Ред.-изд. Комитет НК Земледелия, 1922. С. 18–79.
5. Воишин В. О термине "колонизация" // О земле. Вып. 3: Об использовании в народно-хозяйственном обороте свободных земель. Москва: Новая Деревня, 1922. С. 16–20.
6. Головнёв А. В. Феномен колонизации. Екатеринбург: УрО РАН, 2015. 592 с.
7. Демьяненко А. Н., Бляхер Л. Е., Леонтьева Э. О., Симоненко О. А. Круглый стол "Возможна ли "колонизация" пространства? Гуманитарии между метафорой и научным исследованием" // Известия Восточного института, 2020, № 4. С. 118–132. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2020-4/118-132>
8. Иорданский Ю. П. Колонизация Севера. Петроград: б. и., 1920. 13 с.
9. Кауфман А. А. Переселение и колонизация Санкт-Петербурга: Т-во "Общественная польза", 1905.

349, 81с.

10. Ключевский В. О. Сочинения в 8 т. Т. I. Ч. 1. Москва: Политиздат, 1956. 427 с.
11. Кобозев П. А. Колонизация Дальнего Востока // Труды государственного колониального научно-исследовательского института. Т. 1. Москва: б. и., 1924. С. 213–268.
12. Космачёв К. П. Пионерное освоение тайги (экономико-географические проблемы). Новосибирск: Изд-во "Наука", Сиб. отд-ние, 1974. 144 с.
13. Крылов К. Итоги Саида: жизнь и книга // Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. Санкт-Петербург: Русский мир, 2006. 636 с. С. 598–637.
14. Леруа-Болье П. Колонизация у новейших народов. Санкт-Петербург: ред. журн. "Всемирный путешественник", 1877. VIII, 526, II с.
15. Луре С. В. Историческая этнология: Учебное пособие для вузов. Москва: Аспект-Пресс, 1997. 448 с.
16. Платонов С. Ф., Андреев А. И. Новгородская колонизация Севера // Очерки по истории колонизации Севера. Вып. 1. Петербург: Государственное издательство, 1922. 76 с. С. 26–37.
17. Потанин Г. Н. Избранное. Томск: [Томская писательская организация], 2014. 399 с.
18. Рубинский В. Д. Опыт учета колониальной емкости Приморской области. Труды Амурской экспедиции. Вып. 4. Санкт-Петербург: 1911. 99 с.
19. Сильницкий А. Культурное влияние Уссурийской железной дороги на Южно-Уссурийский край. Хабаровск: тип. канц. Приам. Генерал-губернатора, 1901. 177 с.
20. Скотт Дж. Против зерна. Глубинная история древнейших государств. Москва: "Дело", 2020. 328 с.
21. Чиркин Г. Ф. Колонизационно-экономические задачи железных дорог (в связи с колониальной работой Мурм. ж. д.): Доклад Г. Ф. Чиркина на заседании Колонизационной Секции Промэкономсовета и Особого Совещания по восстановлению основного капитала ВСНХ СССР и прения по докладу. Стенографический отчет. Ленинград: б. и., 1926. 57 с.
22. Шликевич С. П. Колонизационное значение земледелия в Приамурье. Труды Амурской экспедиции. Вып. 5. Санкт-Петербург: 1911. 142 с.
23. Ядринцев Н. М. Сибирь, как колония: К юбилею трехсотлетия: Современ. положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. Санкт-Петербург: тип. М. М. Стасюлевича, 1882. XII, 471 с.
24. Ярмош А. Я. План колонизации Дальне-восточного края в период 1927–1936 гг. // Экономическая жизнь Дальнего Востока, 1927, № 1–2. С. 102–136.
25. Merlin. Les banlieues des villes françaises. Paris: La Documentation française, 1998. 210 p.

References

1. The Anthology of Economic Thought in the Far East. Issue 1. Colonization Processes in Priamurye Region at the Turn of 20th Century / executive editor P. A. Minakir. Khabarovsk : RIOTIP, 2008. 208 p. (In Russ.)
2. Appadurai A. Theory in Anthropology: Center and Periphery. Periphery. Journal of the Peripheries Studies. 2024 (3). Pp. 8–13. (In Russ.) <https://doi.org/10.38161/2949-6152-2024-3-8-13>
3. Barbenko Ya. A., Demyanenko A. N. The concepts of "colonization" and "development": a dialogue. Oriental Institute Journal. 2024 (1). P. 72–81. (In Russ.) <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/72-81>
4. Bakhrušin S. V. A historical sketch of the settlement of Siberia before the half of the 19th century. Essays on the history of colonization of the North and Siberia. Vol. 2. Petrograd: Committee of the National Committee of Agriculture, 1922. 136 p. Pp. 18–79. (In Russ.)
5. Voshchinin V. About the term "colonization". On the Land. Vol. 3: On the use of vacant lands in the national economic turnover. Moscow: Novaya Derevnnya, 1922. P. 16–20. (In Russ.)
6. Golovnev A. V. The phenomenon of colonization. Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2015. 592 p. (In Russ.)
7. Demyanenko A. N., Blyakher L. E., Leontieva E. O., Simonenko O. A. Roundtable "Is 'Colonization' of Space Possible? Humanities Scholars between Metaphor and Academic Research". Oriental Institute Journal. 2020. No. 4. Pp. 118–132. (In Russ.)
8. Iordansky Y. P. Colonization of the North. Petrograd: s. n., 1920. 13 p. (In Russ.)
9. Kaufman A. A. Resettlement and colonization St. Petersburg: Publishing house "Obschestvennaya Polza", 1905. 349, 81 p. (In Russ.)
10. Klyuchevsky V. O. Essays in 8 volumes, vol. I. Part 1. Moscow: Politizdat, 1956. 427 p. (In Russ.)
11. Kobozev P. A. Colonization of the Far East. Proceedings of the State Colonization Research Institute. Vol. 1. Moscow: s. n., 1924. P. 213–268. (In Russ.)
12. Kosmachev K. P. Pioneer development of the taiga. Economic and geographical problems. Novosibirsk, 1974. 144 p. (In Russ.)
13. Krylov K. Said's results: life and book. Said E. V. Orientalism. Western concepts of the East. Saint Petersburg: Russky Mir, 2006. 636 p. Pp. 598–637. (In Russ.)
14. Leroy-Beaulieu P. Colonization among the modern peoples. St. Petersburg, 1877. VIII, 526 p. (In Russ.)
15. Lourie S. V. Historical ethnology: A textbook for universities. Moscow: Aspect-Press, 1997. 448 p. (In Russ.)

Russ.)

16. Platonov S. F., Andreev A. I. Novgorod colonization of the North. Essays on the history of colonization of the North. Vol. 1. St. Petersburg: State Publishing House, 1922. 76 p. Pp. 26–37. (In Russ.)

17. Potanin G. N. Selected works. Tomsk: [Tomsk Writers' Organization], 2014. 399 p. (In Russ.)

18. Rubinsky V. D. The experience of accounting for the colonization capacity of the Primorsky region (Proceedings of the Amur expedition. Vol. 4). St. Petersburg: s. n. 1911. 99 p. (In Russ.)

19. Silnitsky A. The cultural influence of the Ussuri Railway on the South Ussuri region. Khabarovsk: s. n., 1901. 177 p. (In Russ.)

20. Scott J. Against the grain. The deep history of the earliest states. Moscow: Delo, 2020. 328 p. (In Russ.)

21. Chirkin G. F. Colonization and economic tasks of railways (in connection with the colonization work of the Murmansk Railway). Leningrad: s. n., 1926. 57 p. (In Russ.)

22. Shlikevich S. P. The colonization significance of agriculture in the Amur region (Proceedings of the Amur expedition. Vol. 5). St. Petersburg: s. n. 1911. 142 p. (In Russ.)

23. Yadrintsev N. M. Siberia as a colony: On the anniversary of the tercentenary: Modern position of Siberia. Its needs and wants. Its past and future. St. Petersburg: M. M. Stasyulevich Printing House, 1882. XII, 471 p. (In Russ.)

24. Yarmosh A. Ya. Plan of colonization of the Far Eastern Territory in the period 1927–1936. Economic Life of the Far East, 1927 (1–2). Pp. 102–136. (In Russ.)

Ярослав Александрович БАРБЕНКО, канд. ист. наук, магистр географии, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: prohist@ya.ru

Леонид Ефимович БЛЯХЕР, д-р филос. наук, профессор Высшей школы социальных и политических наук Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск, Россия, e-mail: leonid743342@mail.ru

Александр Николаевич ДЕМЬЯНЕНКО, д-р геогр. наук, независимый исследователь, г. Хабаровск, Россия, e-mail: demyanenko@ecrin.ru

Сергей Викторович ТКАЧЁВ, канд. полит. наук, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия, e-mail: sertk@mail.ru

Вадим Николаевич УКРАИНСКИЙ, канд. экон. наук, научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, г. Хабаровск, Россия, e-mail: ukrainsky@ecrin.ru

Yaroslav A. BARBENKO, Candidate of Historical Sciences, Master of Geography, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: prohist@ya.ru

Leonid E. BLIAKHER, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Social and Political Sciences, Pacific State University, Khabarovsk, Russia, e-mail: leonid743342@mail.ru

Alexander N. DEMYANENKO, Doctor of Geographical Sciences, Independent Researcher, Khabarovsk, Russia, e-mail: demyanenko@ecrin.ru

Sergej V. TKACHEV, Candidate of Political Sciences, Leading Researcher, Institute for Demographic Research, Federal Research Sociological Center, RAS, Moscow, Russia, e-mail: sertk@mail.ru

Vadim N. UKRAINSKY, Candidate of Sciences (Economics), Research Fellow, Economic Research Institute FEB RAS, Khabarovsk, Russia, e-mail: ukrainsky@ecrin.ru

Поступила в редакцию

(Received) 30.04.2025

Принята к публикации

(Accepted) 23.06.2025